

Международное право как диалог и столкновение цивилизаций

Рогожин С.Л.*

В свете недавних политико-правовых потрясений, связанных, прежде всего, с активным развитием и применением на практике концепции “гуманитарного вмешательства” (в том числе в ходе агрессии НАТО против Югославии), многие юристы-международники задаются вопросом о современном состоянии системы международного права. Эта статья – попытка проанализировать положение в данной области права с точки зрения теории, философии права и геополитики. Автор не претендует на то, чтобы представить комплексное исследование проблемы, и намерен остановиться лишь на тех отдельных вопросах, включая межкультурный диалог как часть нормотворческого процесса, значение норм *jus cogens* в современных условиях, роль государств как основных субъектов международного права, соотношение международного права и мировых религий, которые представляют особый интерес для теоретиков международного права. Многие идеи, представленные в работе, нуждаются в дальнейшей проработке и скорее всего покажутся довольно субъективными приверженцам классической теории международного права.

Идея Ф.Ф. Мартенса о “доминировании права в отношениях между народами”¹, остающаяся и по сей день ключевой для российской международно-правовой доктрины, свидетельствует, с одной стороны, о преемственности гуманистических традиций, а с другой стороны, – о живучести социального утопизма как одной из характеристик русской, советской, российской правовой школы. Можно только приветствовать повышение роли права в международной политике. Вместе с тем представляется, что речь должна идти не только о праве так называемых “цивилизованных

* Рогожин Сергей Леонидович – юрист-международник.

¹ См.: Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – 1996. – Т. I. – С. 10.

народов” (в этом контексте Ф.Ф. Мартенс имел в виду исключительно христианские народы Запада)², а о синтезе различных правовых традиций и школ.

Международное публичное право сегодня есть продукт противостояния двух западных политико-идеологических систем – социализма и либерализма. Иудео-христианская цивилизация Запада сформировала все основные подходы к структуре, принципам и нормам современного международного права. Кризис данной правовой системы прежде всего связан с общим ослаблением позиций коммунистической или, точнее, социалистической идеи в ее советском варианте. Иными словами, за изменением миропорядка “холодной войны” последовал, очевидно, кризис системы международного публичного права.

Современное международное право фактически отбрасывает все неправоное, надправовое и иррациональное в международных отношениях как несуществующее или несущественное для предмета данной отрасли права. Между тем представляется, что задача повышения роли права в международных отношениях труднореализуема, если опираться исключительно на юридические конструкции, да и то принадлежащие в основном лишь двум правовым семьям – романо-германской и англо-саксонской³.

Международное право не может существовать вне баланса сил на международной арене, но и не должно лишь фиксировать объективные финансово-экономические и военно-политические преимущества Запада в отношениях с другими цивилизациями. В этом контексте и с учетом изменения баланса сил (прежде всего за счет

2 “Только по отношению к цивилизованным государствам может быть речь о законах и правилах, которые должны быть соблюдаемы во время международных столкновений. Нельзя ожидать и несправедливо требовать соблюдения каких-либо юридических норм, составляющих право международного принуждения, от народов, существенно различной цивилизации и культуры” (Мартенс Ф.Ф. Там же. – Т. 2. – С. 265).

3 Проиллюстрировать создавшееся положение могут следующие статистические данные: из 53 конституций стран Африки лишь 22 содержат положения, касающиеся международного права. Более того, из этих 22 конституций лишь три (конституции Малави, Намибии и ЮАР) содержат положение о том, что международное право является составной частью национальной правовой системы. См.: Making Better International Law. The International Law Commission at 50. Proceedings of the United Nations Colloquium on Progressive Development and Codification of International Law. – United Nations. – New York. – 1988. – P. 152.

увеличения геополитического значения китайской цивилизации) Запад вынужден будет отказаться от монополии на международное право. Представляется, что такое развитие событий позволит преодолеть многие кризисные явления в данной отрасли права.

Перед современным международным правом стоит задача регулирования отношений народов и государств, принадлежащих различным цивилизациям, в условиях их возрастающей взаимозависимости. В этой связи представляется, что приоритетными областями международного нормотворчества могут стать вопросы защиты окружающей среды, социального развития, в том числе экономического и научно-технического сотрудничества, ответственности международных организаций, включая международные финансовые институты. При этом одной из принципиально важных составляющих международного права прав человека в ближайшее время станет регулирование вопросов защиты генома человека, клонирования и других генетических экспериментов, по которым позиции Запада и других цивилизаций диаметрально противоположны. Вопросы международного сотрудничества и, в частности, солидарности народов, международных санкций и режимов экономических преференций развивающимся странам следует изучить с точки зрения возможной кодификации международной практики в данной области. Особый интерес в этой связи могут представлять предложения *de lege ferenda* Комиссии международного права.

Международное право в перспективе должно стать междивизиционным, отражать взаимодействие и идейную борьбу различных религий, идеологий, правовых систем, ценностей и стремиться к их синтезу. В качестве основы международного права логично было бы утвердить идею человеческого и межэтнического общения, диалога цивилизаций, сотворчества культур. Таким образом, источником международного права являлось бы не только согласование воль суверенных государств (хотя, надо признать, что в наши дни источником права зачастую является не столько воля, сколько безволие государств, их неспособность обеспечить в полной мере выполнение собственных международно-правовых обязательств), но и воля народов, представляющих различные цивилизации.

Широкое междивизиционное общение, отказ от абсолютизации как частного интереса, так и интереса общественного, государственного может составить основу развития новых институтов и норм меж-

дународного публичного права. Такой подход выдвигает на повестку дня активизацию взаимодействия религиозных философий права, для которых характерно начало социальности, общественной солидарности, межличностного диалога и примирения.

Таким образом, утверждение в международном праве начал межкультурного общения, диалога культур означает его социализацию и уменьшение политического значения, деполитизацию международно-правовых отношений. В связи с этим следует отметить, что влияние современного международного публичного права на социальные процессы в большинстве стран, за исключением, пожалуй, международного права прав человека и международно-гуманитарного права, ничтожно, т.к. оно выведено из процесса регулирования повседневных правоотношений.

В случае столкновения различных нравственно-правовых учений и подходов к международно-правовому регулированию в основу согласования воли и разграничения интересов может быть положено лишь то, что всем им не чуждо, всеми ими признается. В этом контексте особую роль играет преодоление основного различия современного западного права и правосознания от иных правовых систем современности. Речь идет о резком противопоставлении права и нравственности, общественного и частного интереса, особенно характерном для индивидуалистических теорий, породивших “первое поколение” прав человека (гражданские и политические права).

Практика международных отношений показывает, что сдержанное и даже отрицательное отношение к международному публичному праву и международно-правовым обязательствам присуще прежде всего представителям относительно молодых культур (например, североамериканской субкультуры) или цивилизаций, которые рассматривают право как явление низшего порядка по сравнению с нравственностью⁴. С другой стороны, западноевропей-

⁴ “Традиционная китайская концепция не отрицает права, но полагает при этом, что оно для варваров, для тех, кто не заботится о морали, для неисправимых преступников, наконец, для иностранцев, которым чужда китайская цивилизация. Китайский же народ прекрасно обходится и без права” (*Рене Давид. Камилла Жоффре-Стинози Основные правовые системы современности. . – М. – 1988. – С. 356-357*); “Применение современного права наталкивается в Японии на мистический сентиментализм японцев, больше любящих поэзию, чем логику, и довольно равнодушных в силу самой их истории к идеям свободы и человеческого достоинства. Японцы продолжают видеть в праве аппарат принуждения... Идея права в их сознании по-прежнему связана с наказанием и тюрьмой; право-ненавистная вещь; честные люди должны сторониться права” (Там же. – С. 373).

кие государства уделяют чрезмерное внимание отдельным отраслям, нормам и принципам международного права в ущерб другим (речь в основном идет о соотношении принципа государственного суверенитета и ряда норм международного права прав человека и международного гуманитарного права). Такая позиция в ряде случаев приводит к практике злоупотребления правом и резюмируется максимой *summum jus summa injuria*. Кроме того, в основе предлагаемых данной группой стран нововведений лежит стремление обеспечить экстерриториальное действие собственного законодательства, касающегося, в частности, запрета смертной казни, пыток и т.д.

Существенные преобразования в международном публичном праве продиктованы еще и тем, что право – продукт сознания, явление одновременно психическое и рациональное. Его содержание зависит от правосознания народов, а правоприменительная практика – от этнических стереотипов поведения, психологических особенностей того или иного этноса. Приходится признать, что в настоящее время достижения юридической антропологии и сравнительного правоведения активно не используются в международном нормотворческом процессе, что, как представляется, влияет на эффективность осуществления ряда многосторонних договоров государствами и народами, представляющими незападные правовые традиции.

Стремление к увеличению влияния западных правовых и религиозных систем на международное право не есть позиция “биологического” национализма или стремление к дезинтеграции, регионализации системы международного права. Напротив, нельзя игнорировать тенденцию регионализации международного права (наиболее ярко она проявляется в Европе), т.к. она объясняется объективными причинами культурно-исторического плана. Общеизвестно, что консолидация системы правовых норм быстрее идет на региональном уровне, чем на глобальном. Пафос современного международного права – в упрощении, усреднении, кодификации, подчинении массива норм идеологии либерализма и прав человека. Позитивистский подход к анализу особенностей и перспектив развития международного публичного права выражается в том, что ему отведена роль продукта политического противостояния государств, отражения баланса сил и интересов. В итоге,

как правило, в нем отражена воля группы или ряда групп наиболее могущественных государств, толкующих принципы справедливости и недискриминации в собственных политико-правовых интересах⁵.

К вопросу о принципах *jus cogens*. Система международного права в настоящее время значительно изменилась, возможно, в сторону упрощения, т.к. основополагающие и системообразующие принципы *jus cogens* были оспорены и частично опровергнуты практикой межгосударственных отношений. В итоге отрасли международного публичного права, отдельные правовые нормы и институты как бы выстраиваются в одну линию, поскольку лишены объединяющих и систематизирующих принципов. В этой связи следует задаться вопросом, почему *jus cogens* – своеобразное естественное право (*jus naturale*) в праве международном, основы которого в вечном, неизменном порядке международных отношений – было поставлено под вопрос, потеряло значение идеального критерия международного правопорядка? Ответом может служить тот факт, что понятия о должном в международном праве эволюционируют, и изменчивое *jus gentium* оказывает значительное воздействие на непреложное *jus naturale*. Примечательно, что воззрения на вечный закон добра и его действие применительно к международным отношениям чрезвычайно разнятся от цивилизации к цивилизации. Иными словами, вечная идея права и справедливости соответствует воззрениям данного народа и на вечность, и на справедливость⁶.

Возможно, что слабость *jus cogens* заключалась в его восприятии как свода неизменных правил, неподверженных воздействию изменяющихся условий международного общения. Во-первых,

⁵ “Как уже указывалось, право как выражение силы выступает в наиболее неприкрытой форме в правовом межгосударственном регулировании, в мирных договорах и в том праве народов, о котором еще Мирабо отзывался, что это есть право сильного, соблюдение которого возлагается на бессильного” (*Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М. – 1998. – С. 383*).

⁶ В этой связи примечательно мнение одного из ведущих русских философов права Е.Н. Трубецкого: “Естественное право вообще не включает в себе никаких раз и навсегда данных, неизменных юридических норм: оно не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи” (*Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – М. – 1913. Цит. по: Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М. – 1989. – С. 199*).

жесткость и неподвижность этого кодекса вошли в противоречие с историческими реалиями взаимодействия различных государств, цивилизаций и народов. Во-вторых, принципы *jus cogens* в определенной степени оспаривались философией и теорией *common law* – одного из основных источников современного международного права. Иными словами, *jus cogens* стремилось уравнивать неравных, усреднить различных, объединить разрозненных вне зависимости от уровня правосознания и восприятия ценности международного права как института урегулирования отношений между государствами и народами.

Завершая анализ состояния *jus cogens*, следует отметить, что скорейшее уточнение действительного статуса этих норм и их значения для поддержания международного правопорядка крайне важно с точки зрения сохранения единства системы международного публичного права.

В международном праве сосуществуют многочисленные мифологии, создаваемые маститыми юристами или их группами. В результате в нем укоренились многие предрассудки, касающиеся роли и места правового регулирования, права в целом как механизма упорядочения международных отношений. Это касается и кодификации международного права, которая, как правило, отождествляется с “прогрессивным” развитием данной правовой системы.

Начнем с того, что в интеллектуальной сфере понятия “прогрессивный” и “регрессивный” чрезвычайно субъективны. Они полностью во власти вкуса, хорошего или плохого, и политико-правовых пристрастий. Во-вторых, любая кодификация есть упрощение, усреднение, стандартизация, что в условиях разнообразия правовых систем означает “нищету” международного права. В третьих, в создавшихся условиях кодификация означает ограничение возможностей выбора способов международно-правового урегулирования межгосударственных и междоцивилизационных отношений. Таким образом, искусственность или “виртуальность” международного права на деле препятствуют установлению междоцивилизационных отношений, которые в ряде случаев, как ни прискорбно, принимают форму открытого противостояния, вооруженного конфликта.

Современное международное право и религия. Со времен Гуго Гроция международное право становится правом светским и даже

“богоборческим”, т.к. он утверждал, что нравственный закон является абсолютным и существовал бы, даже если бы мы признали, что Бога нет. Действительно, международное публичное право, нормы нравственности и религиозные верования никогда полностью не обособляются. Оценка права в целом и отдельных правовых норм и институтов с точки зрения справедливости (например, принцип справедливости международных договоров) необходима для установления жизнеспособных правил международного общения. Должное и сущее неразрывно связаны в любом международно-правовом отношении. Вера в Бога в чем-то сродни вере в права человека и постулату международного права о том, что договоры должны выполняться.

В этой связи международному праву необходимо определиться в отношении одного из фетишей современного правосознания – индивидуализма, обожествления отдельного человека. Современное международное право по сути дела оплетено язычеством и языческим обожествлением индивидуальных человеческих интересов. Вместе с тем представляется, что противоборство двух подходов к развитию международного права (подтверждения принципа верховенства государства и стремления утвердить физическое лицо в качестве равноправного субъекта международного права) во многом искусственно. Идеология прав человека, несмотря на ее непреходящее значение для развития отдельных отраслей международного права, не может претендовать на исключительную роль в нормотворческом процессе и значение основополагающей идеи международного права. Как уже отмечалось, “третий путь” или утверждение и развитие международного права как метаправа, права межцивилизационного общения позволяет, как представляется, разрешить международно-правовыми методами ряд противоречий, присущих отношениям между государством и личностью.

Рассматривая вопрос взаимосвязи международного права и религии, отметим, что немногие станут оспаривать тот непреложный факт, что религия универсальна, в то время как современное международное право – явление локальное, ограниченное в общем и целом рамками иудео-христианской цивилизации Запада, если, конечно, проанализировать этот вопрос не с формальной точки зрения, а по существу, и не манипулировать, к примеру, феноменом универсальности ряда международных договоров с точки зре-

ния числа их участников. Скорее, необходимо оценить универсальность соблюдения норм этих договоров.

Общеизвестно, что христианские церкви и гуманистическое христианское мировоззрение играют важную роль в миротворчестве, урегулировании конфликтов, содействуют установлению социального мира, развитию взаимопонимания и сотрудничества. Более того, Церковь Христа принимает активнейшее участие в устроении всех областей человеческой жизни через заботу о сохранении нравственности, дела милосердия и благотворительности, духовное и культурное образование и воспитание людей. Христианские конфессии противопоставляют явлениям антикультуры и бездуховности равноправный культурно-цивилизационный обмен, основанный на признании и уважении самобытности наций и народов и безусловной ценности для общечеловеческой цивилизации их культурно-исторического наследия (особого внимания в этой связи заслуживает межцерковный диалог под эгидой Всемирного совета церквей).

Важно обеспечить, чтобы религиозные чувства и убеждения людей не использовались в неблагоприятных политических целях, в частности, для разжигания религиозной и этнической вражды. В этой связи примечательно, что в последнее время мусульманские страны в рамках правозащитных органов ООН и прежде всего Комиссии по правам человека активно выступают против диффамации ислама, необоснованных обвинений этой религии в несоответствии ее основных догматов концепции прав человека, а религиозной практики – требованиям международных договоров в данной области⁷. Речь прежде всего идет об индивидуальных гражданских и политических правах мусульман, а также о правах женщин и иностранцев. Необходимо отметить, что, с другой стороны, светский характер правозащитной идеологии и международного права прав человека, безусловно, противоречит основам правовой концепции ислама, подразумевающей единство права и религии, индивидуума и религиозного сообщества верующих⁸.

⁷ См. резолюции ряда недавних сессий Комиссии ООН по правам человека, включая документ ООН E/CN.4/2001/167 от 8 октября 2001 г., с. 51-53.

⁸ Наилучшее представление об исламском подходе к соотношению вопросов веры и прав человека даст “Каирская декларация о правах человека в исламе”, принятая в 1990 г. Организацией Исламская конференция. Данный документ утверждает верховенство норм шариата над правами человека. См.: Human Rights. A Compilation of International Instruments. Vol. 2, Regional Instruments. – United Nations. – New York and Geneva. – 1997. – Pp. 478-484.

В данном случае нельзя переоценить роль межкультурного диалога в определении как различий, так и общих подходов к обеспечению и защите прав человека.

Международное право как право войны и мира. Мифологема “культуры мира”, нашедшая много сторонников среди юристов-международников, представляется безосновательной уже потому, что представляет войну как явление антикультуры. Однако это большая историческая, культурологическая и международно-правовая ошибка, т.к. война в истории цивилизации не менее важный фактор, чем мир, а основы современного международного права, заложенные Гуго Гроцием, касаются равнозначно и войны, и мира. В итоге одна из “священных коров” современного международного права состоит в том, что оно по-прежнему считается “правом мира” в эпоху непрекращающихся войн (прежде всего вооруженных конфликтов немеждународного характера, зачастую связанных с кризисом государственной власти). Возможно, что за данным подходом скрывается стремление дискредитировать проявления самостоятельности народов в построении собственного культурно-исторического мира всеми доступными им средствами, включая военные⁹. С точки зрения здравого смысла цель установления вечного мира международно-правовыми или иными средствами недостижима. Напротив, идеологическая направленность международного гуманитарного права и международного права прав человека в некоторой степени предполагает и подразумевает задачу построения пуританского вечного мира. Однако уверения, что в условиях реального вооруженного конфликта кому-либо когда-либо удавалось в полной мере соблюдать нормы международного гуманитарного права – явное преувеличение.

Одним из наиболее существенных изменений в системе международного права стало активное развитие международного правосудия. Прогрессистские идеи выражаются, в частности, в некритической вере в справедливость международного правосудия. С другой стороны, можно вполне обоснованно заявить, что с появлением международных трибуналов *ad hoc* для бывшей Югославии и Руанды в международные отношения и международное пра-

⁹ На европейском континенте эта политическая линия была закреплена концепцией стабильности и всеобъемлющей безопасности и нашла отражение в международно-правовых документах, известных как Пакт стабильности в Европе (1995 г.) и Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы (1999 г.).

во вернулась средневековая инквизиционная юстиция, активно вовлеченная в политическую борьбу и пренебрегающая вопросами презумпции невиновности, защиты прав обвиняемых и заключенных и всем тем, что, собственно, и составляет понятие справедливого и законного правосудия. Показательно и то, что, например, при составлении Статута руандийского трибунала полностью игнорировались особенности правосознания африканских народов хуту и тутси, которым вообще чуждо понятие индивидуальной ответственности за правонарушения, т.к. единственным субъектом права этими народами признается племя, которое и несет коллективную ответственность за правонарушения, совершенные его членами. Сложилась ситуация, когда международные трибуналы стали органами легализованного политического возмездия, а не правосудия. Наконец, как показывает практика, международные трибуналы *grosso modo* не оказывают положительного воздействия на мирное урегулирование конфликтов и процессы национального примирения.

Еще одна тема дискуссии – вопрос демократизации международных отношений и роли международного права в данном процессе. Под этим термином – “демократизация” – как ни странно, подразумевается активизация участия государств (прежде всего развивающихся), а не народов в международном общении и принятии ключевых решений политико-правового характера. Нельзя игнорировать факт неучастия (по объективным причинам недостаточного социально-экономического и культурного развития) большого числа государств в создании и реализации комплекса международно-правовых норм и институтов. С другой стороны, эгалитаризм и демократизм в международных отношениях – довольно абсурдная идея. Она, в принципе, неосуществима без применения насилия, когда нации или государства принуждаются, к примеру, быть “свободными и демократическими”, к чему, в принципе, и сводится современная концепция “гуманитарного вмешательства”.

Глобализация не должна быть синонимом вестернизации международных отношений на основе принципов либерализма и безусловной ценности демократии и прав человека. В этой связи особого внимания заслуживает новейшее движение “антиглобалистов”, программа которого содержит многие позитивные моменты, в том числе обеспечение базовых социально-экономических прав

в процессе глобализации, развитие международной солидарности, защиту прав и культурно-исторического наследия коренных народов, поддержание и развитие культурного многообразия и т.д. Эти идеи, инициативы и интересы нуждаются в закреплении и развитии посредством норм международного права. Они имеют особую значимость, т.к. современные международные гуманитарные и правозащитные организации (в частности, “Международная амнистия”, “Хьюман Райтс Уотч”, “Врачи без границ”, Международный комитет Красного Креста и др.) в абсолютном большинстве являются западными или прозападными. Они лишены культурного многообразия, проповедуют односторонний идеологизированный подход к разрешению гуманитарных и политических кризисов в странах, принадлежащих иным цивилизациям.

К вопросу о международном нормотворчестве. Представляется, что в основе создания норм современного международного права лежат два основных метода – согласование волей суверенных государств и разграничение их интересов международно-правовыми методами. Принцип согласования волей, описанный Гуго Гроцием во введении к “Праву войны и мира”, остается неизменным и в современных условиях.

Думается, что вопрос принципов разграничения интересов – ключевой для будущего международного права. В этой связи, вероятно, на первый план выходит проблема разграничения интересов государств, а также государственных и индивидуальных интересов, т.к. отдельные государства частично потеряли способность и прерогативу представлять интересы своих граждан (как индивидуальные, так и коллективные) в международном общении (в данном контексте речь идет о государствах, претерпевающих социально-экономический и политический кризис). Вместе с тем даже в этих условиях процесс разграничения интересов должен основываться на уважении принципов суверенитета и территориальной целостности государств.

Повышение роли принуждения в международном праве, увеличение случаев неправомерного применения силы свидетельствуют о его кризисе. Норма права имеет принудительную силу только тогда, когда она признается действующей большинством участников международных отношений, чего нельзя сказать о многих нормах международного права. Именно отрыв права от этичес-

ких основ приводит к тому, что сила играет роль единственного арбитра в международно-правовых спорах.

В этом контексте отметим тенденцию нарушения принципа согласования воли суверенных государств как основы правотворчества. Признаки кризиса международного права проявляются в том, что теперь зачастую не требуется действительного соглашения сторон как основы установления договорных обязательств. Согласование воли подменяется фиксированием соответствующей формы соглашения вне зависимости от наличия действительной воли сторон и, порой, вопреки ей. Примером такой практики являются Дейтонские соглашения, договор Рамбуйе, ряд палестинско-израильских договоренностей политико-правового характера, которые были достигнуты в конце 90-х и в 2000 г. при активном посредничестве США, военно-техническое соглашение, подписанное в 1999 г. между СРЮ, Республикой Сербия и КФОР (Международными силами безопасности в Косово).

К вопросу об источниках международного права. Общеизвестно, что в процессе формирования обычного международного права большое значение имеет расстановка политических сил, военно-политический потенциал государств, что позволяет определить обычное право как “право сильного”. С другой стороны, оно лишено одного из ключевых недостатков договорного права – элемента оторванного от реалий международных отношений необоснованного нормотворчества, своеобразного правового утопизма. В этой связи отметим, что международное право, основанное исключительно на западных идеях социализма и либерализма, обречено на социологический утопизм.

Благодаря гибкости и эластичности своей формы обычное международное право лучше отражает и интегрирует особенности социально-экономического и культурного развития народов. Преобразование обычно-правовых норм в конвенционные заслуживает внимания уже потому, что именно на этой стадии содержание обычного права выхолащивается, усредняется, стандартизируется, приводится в соответствие с существующим массивом норм международного права, которое, как уже было сказано, преимущественно сформировано цивилизацией Запада.

В связи с этим, как представляется, феномен “мягкого” международного права (*soft law*) заслуживает особого внимания как одна

из форм “узаконения” обычно-правовых норм, не отвечающих жестким требованиям классического договорного права. Признавая негативное влияние “мягкого” права, псевдоправовых (политико-правовых) обязательств на международный правопорядок в целом, нельзя не отметить, однако, что существование ряда международно-правовых институтов, например, “третьего поколения прав человека” (коллективных прав) во многом зависит от развития именно этой формы международных договоренностей. Так, одно из ключевых коллективных прав, прав народов – право на развитие – всецело сформулировано и утверждено нормами “мягкого” международного права. Разработка международного договора в данной области – весьма отдаленная перспектива, учитывая диаметрально противоположные подходы к институту права на развитие со стороны Запада и большинства развивающихся стран. Следовательно, именно “мягкое” право, создаваемое государствами в рамках многочисленных международных органов, включая, в частности, Генеральную Ассамблею ООН, ЭКОСОС и его функциональные комиссии, прежде всего Комиссию ООН по правам человека, позволяет сохранить и отразить культурное разнообразие, особенности правосознания и особые политико-правовые интересы развивающихся стран.

Суммируя сказанное, предположим, что правотворческий процесс в современных условиях, вероятно, нуждается в выявлении новых норм позитивного права в массиве политико-правовых положений “мягкого” права. Такая работа в сочетании с исследованием практики государств и их *opinio juris* может дать наилучший результат, причем она не должна вести исключительно к кодификации этой категории правоположений.

В то же время вряд ли кто осмелится утверждать, что обычное право и, тем более, “мягкое” право могут претендовать на то, чтобы составить систему международного права. Обычно-правовые нормы и политико-правовые договоренности неизбежно имеют значение дополнения, уточнения, поправки к системе общего международного права.

Сторонникам повышения роли права в международном общении не стоит забывать, что регулирование международным правом отношений между народами, равно как и межгосударственных связей, не является чем-то необходимым. Право вообще не есть

необходимость и является относительно новым продуктом развития человеческой цивилизации. Обратное мнение, как представляется, утвердилось потому, что современное международное право есть исторически необходимое отражение правосознания иудео-христианской цивилизации, одним из ключевых признаков которой является юридикация межличностных, межэтнических, межгосударственных отношений и даже связи народов с Творцом.

Право, включая международное, весьма относительно как по содержанию, так и в применении к регулированию международных отношений. Оно всецело подчинено необходимости, т.е. является общим правилом только для конкретных отношений в определенном историческом времени, иными словами, оно зависит от условий времени и места. Таким образом, нормы *jus cogens* претерпевают естественный и закономерный процесс (проходят путь от возникновения через изменение к возможному исчезновению или переходу в новое качество). В этой связи непризнание абсолютного характера *jus cogens* не должно считаться непростительной ересью.